

одного только молчанія начальниковъ и необычной ихъ кротости идутъ къ вѣрѣ, даже изслѣдуютъ и само священное писаніе, призываемые къ этому здравымъ разумомъ, но однакожь совсѣмъ невѣжественно и неразумно подвергая тайну изслѣдованію. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи одного только того, что они знаютъ, откуда—Говорящій съ дерзновеніемъ, то есть изъ какого селенія является и отъ какихъ родителей произошелъ, они утверждаютъ, что Онъ не есть Предвозвѣщенный въ законѣ. Потомъ присоединяютъ къ этому: „а Христосъ когда придетъ, никто не знаетъ, откуда Онъ“. Вѣдь всякому очевидно, что по невѣжеству имъ пришлось впасть въ заблужденіе и въ этомъ. Но, думаю, надо изслѣдовать, откуда произошли у нихъ такія мысли. Что въ самомъ дѣлѣ заставило тѣхъ, кои такъ прекрасно о Немъ разсуждали, не считать Его за Христа по той именно причинѣ, что они знали, откуда Онъ? И почему присоединяютъ къ этому: „Христосъ когда придетъ, никто не вѣдаетъ, откуда Онъ“. Вѣдь вслѣдствіе этого то наконецъ они и не достигаютъ истины.

Имѣется у Исаи одно изреченіе о Христѣ такое: „родъ Его кто изъяснить? потому что вземлетъ отъ земли жизнь Его“ (Иса. 53, 8). Но блаженный пророкъ употребляетъ это изреченіе о Богѣ Словѣ и „родъ“ говоритъ вмѣсто „существованія“. Кто въ самомъ дѣлѣ въ состояніи выразить словомъ образъ существованія Единороднаго? Какой языкъ изъяснить неизреченное рожденіе Сына отъ Отца? Или какой умъ будетъ силенъ для этого? Что Онъ рожденъ отъ Бога и Отца, это мы знаемъ и этому вѣруемъ. Но какъ, это считаемъ недоступнымъ никакому уму и опаснымъ для изслѣдованія, ибо не должно искать глубочайшаго и изслѣдовать труднѣйшаго, но размышлять о томъ

что заповѣдано (Сир. 3, 21. 22) и непоколебимо вѣровать относительно Бога, „что Онъ существуетъ во истину и ищущимъ мздовоздаятелемъ бываетъ“ (Евр. 11, 6),—и уже не искать, по Писанію, того, что выше ума и разумѣнія, не только нашихъ, но и всякой твари или всякаго созданнаго разумнаго существа. Кто же поэтому Единороднаго „родъ изъяснить? ибо вземлется отъ земли жизнь Его“, то есть слово о существованіи Его выше всего, существующаго на землѣ, ибо жизнью и здѣсь опять называетъ существованіе.

Это сбило съ прямого пути безразсудный умъ Іудеевъ и отклонило отъ истиннаго разумѣнія о Христѣ, ибо не поняли, какъ кажется, что у святыхъ пророковъ обрѣтается двоякая о Немъ рѣчь. Такъ, когда они указываютъ на то, что Онъ явится съ плотію въ этой жизни, то выставляютъ на видъ Его рожденіе по плоти отъ Дѣвы: „ибо вотъ Дѣва во чревѣ будетъ имѣть и родить Сына“ (Иса. 7, 14), но также ясно возвѣщаютъ и о томъ, гдѣ Онъ имѣетъ родиться: „ибо и ты, Виелеемъ, домъ Ефраѣы, малъ ты, чтобы быть въ тысячахъ Іудиныхъ,—изъ тебя Мнѣ изыдетъ (Нѣкто), чтобы быть начальникомъ во Израилѣ, и исходы Его изъ начала отъ дней вѣка“ (Мих. 5, 2). А изъясняя, сколько возможно, неизреченное рожденіе Его отъ Бога и Отца, или говорятъ то, что мы уже выше сказали: „родъ Его кто изъяснить? потому что вземлется отъ земли жизнь Его“ (Иса. 53, 8), или въ вышеприведенномъ изреченіи прибавляютъ: „и исходы Его изъ начала отъ дней вѣка“, ибо исходами обозначаетъ здѣсь возсіяніе Единороднаго какъ бы изъ свѣта и прежде всякаго вѣка и дня и мгновенія исхожденіе какъ бы нѣкое изъ сущности Родителя въ собственное существованіе. Если такимъ образомъ

святое писаніе указываетъ намъ то и другое и священныя письма и говорятъ о томъ, откуда будетъ Христосъ по плоти, и чтуть молчаніемъ Его неизслѣдимое существованіе отъ Отца; то какъ, основательно найдя Іудеевъ весьма невѣжественными, не сказать съ громкимъ смѣхомъ: изыскивать относящееся къ Нему должно не по одному только незнанію рода Христа, но и по знанію, кто Онъ и откуда явится по плоти.

VII. 28. Возва же Іисусъ, уча въ храмъ и глаголя: и Мене въсте, и въсте, откуда есмь ¹⁾.

Когда Іерусалимляне тихо шептали другъ другу вышеприведенныя слова, ибо не дерзали „говорить открыто по страху предъ Іудеями“, какъ написано, Христосъ опять божественно воспріемлетъ знаніе о томъ, что они говорили. И какъ разсуждалъ, что подобаетъ оказать помощь этимъ людямъ, то тотъ часъ опять божественно показываетъ въ Себѣ силу и ясно открываетъ, что Онъ имѣетъ знаніе о всемъ. Присемъ возвышаетъ гласъ Свой, хотя прежде и не имѣлъ Онъ обыкновенія дѣлать это, и избличаетъ опять ихъ въ томъ, что не имѣютъ твердаго ума богодухновеннаго писанія, и полагаетъ въ основаніе Своимъ словамъ нѣчто тайное и трудно воспріемлемое. Потомъ кромѣ того еще сильно убѣждаетъ ихъ въ томъ, что именно потому, почему они неразумно думали, что не должно вѣровать, поэтому то самому и надлежитъ вѣровать. Смысль этихъ словъ таковъ. Вы удивились, говорить, и весьма справедливо, потому что Мнѣ дѣйствительно присуща божественная сила, легко укрощающая даже и смертоубійственныя сердца Іудеевъ. Вѣдь они ищутъ убить Меня, по неложному

¹⁾ *Же*—древнесл. вм. поздн. *убо. въ храмъ* Тип. 12 в. вм. др. древнесл. *церкви.*

и точному слову вашему, и весьма великое старанье полагають на это. Но между тѣмъ какъ, говоритъ, Мнѣ бы надлежало отдаляться и уклоняться какъ можно далѣе отъ рѣшившихъ предать Меня смерти, Я однакожъ, нисколько не заботясь о безумномъ ихъ замыслѣ, напротивъ говорю съ дерзновеніемъ и избочаю оскорбляющихъ законъ Своимъ нежеланіемъ предать ихъ суду праведному. И отнюдь ничего не терплю (отъ нихъ за это). Нѣкогда страшные, они теперь невольно беззлобствуютъ, что является не плодомъ ихъ произволенія, но силою Моей власти. Вѣдь Я не позволяю имъ, хотя они и находятся въ бѣшенствѣ и раздражены до безчеловѣчнаго гнѣва, дерзать на преждевременное убіеніе Меня. Этому вы, говоритъ, вполнѣ справедливо поражаетесь и говорите, что начальники ваши истинно узнали, что Я Христосъ. Но слѣдуя въ этомъ надлежащему сужденію и склоняясь къ словамъ божественнаго писанія, вы должны бы были для своей пользы болѣе укрѣпляться въ познаніи Меня, а вы напротивъ — подверглись противоположному и соблазнилились. Вслѣдствіе только того, что вы знаете, откуда Я и отъ кого родился, рѣшили, говоритъ, что Я не Христосъ. Посему вѣдайте, что „и Меня знаете и знаете, откуда Я“, тоестъ божественное писаніе дало вамъ и Меня знать и откуда Я. Но если вамъ пришлось узнать, что Я Назаретянинъ или Вилееллянинъ и что родился отъ Жены, то ради этого вамъ совсѣмъ не подобаетъ подвергаться пороку невѣрія. Напротивъ, изъ сказаннаго обо Мнѣ и по причинѣ рожденія Моего по плоти, вамъ изъ этого слѣдовало бы приходиться къ воспріятію тайнъ, относящихся ко Мнѣ, а не отклоняться къ одному только изреченію пророка, который указываетъ неизреченное рожденіе отъ Бога и Отца.

VII. 28. *И о Себѣ не придохъ, но есть истиненъ
Пославый Мя.*

Въ видѣ защиты поражаетъ опять упорствовавшихъ въ продолжительномъ невѣрїи. Составивъ рѣчь съ немалымъ искусствомъ, всячески старается о томъ, чтобы не казаться подающимъ слушателямъ повода къ справедливымъ нападкамъ на Него, но, затемнивъ рѣчь нѣкоторою неясностію, устраняетъ тѣмъ чрезмѣрность гнѣва и умѣряетъ остроту возбужденія. Почему же это, говоритъ, послѣ того какъ Онъ часто и ясно возглашалъ, что посланъ отъ Бога и Отца, они доселѣ еще не вѣруютъ и, какъ скоро узнаютъ Его родъ по плоти, говорятъ что Онъ не есть проповѣданный въ законѣ и предвозвѣщенный святыми пророками,—даже едва не возражаютъ такъ: Ты говоришь ложь, пришелъ къ намъ по собственному желанію, а не стыдишься придумывать имя Отца. Поэтому, отклоня такого рода клевету ихъ, Онъ къ защитѣ присоединяетъ обличеніе и весьма предусмотрительно говоритъ: „не отъ Себя пришелъ Я, но есть истиненъ Пославый Меня“. Это вамъ, говоритъ, легко дерзающимъ на все и безразсудно бросающимся на какое угодно страшное дѣло, свойственно лжепророчествовать иногда, и называть себя посланными отъ Бога, хотя и безъ посланія Божія. Но Я не подобенъ вамъ и не буду подражать обычнымъ у васъ дерзостямъ: не пришелъ Я Самъ отъ Себя, ни самовѣстникъ Я, какъ вы, но съ неба явился Я,—истиненъ есть Пославый Меня, а не таковъ, какъ извѣстный вамъ лжелюбецъ, то есть дѣволъ, коего духъ приняли вы и дерзаете пророчествовать ложное. Итакъ, истиненъ Пославый Меня, а побуждающій васъ выдумывать слова Божїи не истиненъ, ибо лжець есть и отецъ лжи (ср. 8, 44).

А что мы найдемъ обычнымъ для Іудеевъ пророчествовать ложное, это можемъ безъ труда усмотрѣть при чтеніи пророческихъ рѣчей. Такъ Владыка всего весьма ясно говоритъ о нихъ: „не посылалъ Я пророковъ (этихъ), но сами они бѣжали, — не говорилъ къ нимъ, но сами пророчествовали“. (Іерем. 23, 21). И опять у Іереміи: „ложь пророки пророчествуютъ во имя Мое, Я не посылалъ ихъ и не говорилъ къ нимъ и не заповѣдалъ имъ; потому что видѣнія и гаданія и пророчества сердца своего они пророчествуютъ вамъ“ (Іер. 14, 14). Такъ изобличается здѣсь гордый Іудей въ томъ, что и самому Христу онъ усволяетъ присущую себѣ самому дерзость противъ Бога, то есть лжепророчество. Въ самомъ дѣлѣ, невѣровать Тому, Кто провозглашалъ Себя посланнымъ отъ Бога и Отца, чѣмъ другимъ можемъ быть въ концѣ концовъ, какъ не громкимъ крикомъ о томъ, что Ты лжепророчествуешь, подражая нашему въ отношеніи къ намъ.

VII. 29. Егоже вы не вѣдате, Азъ же вѣмъ Его, яко отъ Него есмь и Той Мя посла.

Вы, говорить, только что высказывали, что *Христосъ когда придетъ, никто не вѣдаетъ, откуда Онъ* Но какъ скоро это, правильно понимаемое, мнѣніе вы считаете за истинное, то Я соглашаюсь съ вашими словами о Немъ; истиненъ конечно Отецъ, отъ Коего Я, но вами не познанъ. Поэтому когда вы, говорить, разсуждаете о Моей тайнѣ такимъ неразумнымъ, но вамъ пріятнымъ, образомъ и потомъ, зная кто Я и откуда по плоти, отказываетесь вѣровать; то по этому одному приміте вѣру, какъ скоро окажетесь не понимающими, откуда Я. А Я отъ *Отца, Коего вы не вѣдаете*, не зная Сущаго отъ Него, въ Коемъ одномъ только видимъ Отецъ, ибо видѣвшій Сына видѣлъ

Отца и знающій Сына не не вѣдаетъ Родившаго. Итакъ, и благодаря этому у нихъ отнимается всякое основаніе и они опять уличаются въ художни, уже не находя никакого предлога для невѣрія, но только упрямствомъ своимъ отталкивая знаніе, дабы истиннымъ являлось и написанное: „вы видѣли часто и не сохранили; отверсты уши, и вы не услышали“ (Иса. 42, 20). А когда соглашается съ словами Іудеевъ, „никто не знаетъ, откуда будетъ, когда придетъ Христосъ“, то необходимо исключаетъ Себя Самого, какъ Богъ, изъ среды тварей и показываетъ Себя другимъ по природѣ и отличнымъ отъ всего прочаго, къ чему подобаешь относить слово „никто“, такъ что Онъ, говоритъ, отнюдь не не знаетъ вмѣстѣ съ тѣми Своего Родителя, но утверждаетъ, что со всею точностію знаетъ какъ Себя Самого такъ и Его. Это потому, что Онъ есть Богъ отъ Бога Отца, имѣющій нѣкое удивительное и чудное или Ему только Одному подобающее вѣдѣніе объ этомъ. Думаю, что Сынъ вѣдаетъ Отца не тѣмъ же самымъ образомъ, какъ и мы познаемъ. Вѣдь природа тварей въ богосозерцаніи доходитъ до одного только умопредставленія, не переступая подобающихъ ей границъ и даже невольно отказываясь постигнуть сокровенность неизреченной въ словахъ божественной природы. А явившійся отъ Бога Отца Единородный созерцаетъ въ Себѣ Самомъ всего Родителя и, живописуя въ собственной природѣ существо Родителя, вѣдаетъ Его такъ, какъ невозможно высказать, ибо неизреченна божественная природа.

ГЛАВА I.

О томъ, что наши дѣла не подчинены часамъ вслѣдствіе какой-либо необходимости, какъ неразумно думаютъ Эллины, но по собственному произволію мы направляемся какъ къ добру такъ и ко злу,—и о томъ, что мы управляемся божественными мановеніями.

VII. 30. Исаказу убо да имутъ Его Іудеи: и никто же возложи на нѣ руки, яко не у бѣ пришелъ часъ Его ¹⁾.

Уязвленные обличеніями фарисеи, видя, что молчаніе здѣсь будетъ не безвреднымъ для ихъ упрямства и для народа полезнымъ, ибо они какъ будто соглашались (съ народомъ) признать наконецъ Его Христомъ,—обращаются къ обычной имъ дерзости и опять жаждутъ убійства. Отбросивъ уваженіе къ закону, какъ бесполезное для нихъ, не обращая никакого вниманія на содержащіяся въ священномъ писаніи постановленія и не удостоивъ памяти заповѣдь: „невиннаго и справедливаго не убивай“ (Исх. 23, 7), они страдаютъ несправедливѣйшею яростію противъ Христа. Но по божественной силѣ ихъ предпріятія опять обращаются въ совершенно противоположный имъ исходъ, ибо „не получить коварный добычи“, по написанному (Прит. 12, 27). Итакъ, „ищутъ Его схватить“, какъ говоритъ Евангелистъ, представляя свое молчаніе при обличеніяхъ добровольнымъ и самовнушеннымъ и послѣдовавшимъ за тѣмъ гнѣвомъ отклоняя мысль, что они были (невольны) удержаны Имъ. Вѣдь это именно нѣкоторые изъ Іерусалимлянъ принимали за доказательство того, что Іисусъ есть Богъ по природѣ, говоря: „вотъ съ дерзновеніемъ

¹⁾ Замѣчательно, что *Іудеи* чит. и Остром. и Мст. но въ вариантахъ такого чтенія не имѣется. *Убо* поздн. вм. *же* древн., — также *да имутъ* вм. *яти* (и Св. Ал.)—послѣднее точнѣе.

говорить, и ничего Ему не говорят: неужели узнали начальники истинно, что Онъ есть Христосъ“ (7, 26). Но „Уловляющій мудрецовъ въ лукавствѣ ихъ“ (1 Кор. 3, 19) являетъ бездѣйственной дерзостью разсуждавшихъ такъ, а тихо высказывавшіяся догадки и предположенія народа подтверждаетъ, ибо имъ препятствуетъ божественная сила, налагающая узду на ихъ беззаконія и ихъ замысламъ дозволяющая простираться только до однихъ попытокъ. Также и причину того, что они оказались не въ состояніи привести въ исполненіе предположенную цѣль, благополучно указалъ при этомъ премудрый Евангелистъ, ибо „еще не пришелъ, говоритъ, часъ Его“, часомъ здѣсь очевидно назвавъ время, и именно страданія и честнаго распятія. Вотъ и отсюда наконецъ развѣ не яснымъ становится для каждаго, что Христосъ отнюдь не пострадалъ бы, если бы не имѣлъ желанія пострадать? Вѣдь не по насилію Іудейскому, но добровольно Онъ возшелъ на крестъ за насъ и ради насъ. Поэтому то и говоритъ, отклоняя укоризну въ кажущемся безсиліи Своемъ: „никто не отъемлетъ душу Мою отъ Меня, Я полагаю ее Самъ отъ Себя; власть имѣю положить ее, и опять власть имѣю взять ее“ (10, 18). Онъ, какъ мы уже прежде сказали, не противъ воли претерпѣлъ за насъ крестъ,—Онъ Самъ Себя, какъ святую жертву, принесъ Богу и Отцу, купивъ кровію Своею спасеніе всѣхъ. Посему и говорилъ въ евангельскихъ проповѣдяхъ: „за нихъ Я свящу Себя“ (17, 19). „Свящу“ говоритъ здѣсь вмѣсто „привожу и посвящаю“, ибо свято приносимое въ жертву Богу. А что Онъ принялъ совершенно свободное отъ всякаго насилія чьего-либо закланіе за всѣхъ, это мы опять узнаемъ, когда выслушаемъ говорящаго въ псалмахъ къ Богу и Отцу: „жертвы и

приношенія Ты не восхотѣлъ, тѣло же совершилъ Мнѣ; всесожженій и (жертвъ) о грѣхѣхъ не возблагодарилъ, тогда Я сказалъ: вотъ иду, во главѣ книги написано о Мнѣ — сотворить волю Твою, Боже“ (Пс. 39, 7—9). Видишь, что добровольно допускаетъ страданіе за всѣхъ, ибо „вотъ, говоритъ, иду“, а не по необходимости отъ кого либо другаго влекусь насильственно. Итакъ, избѣгаетъ теперешней дерзости начальниковъ, сохраняя страданіе для надлежащаго времени и являя божественнѣйшее во всемъ дерзновеніе.

Это считаю достаточнымъ для изъясненія даннаго изреченія. Но такъ какъ нѣкоторые изъ тайноводствуемыхъ, слыша слова „еще не пришелъ часъ Его“, по великому легкомыслію своему, кажется, увлекаются эллинскимъ и безумнымъ злоученіемъ, такъ что неразумно думаютъ, что человѣческія дѣла подчинены часамъ, днямъ и временамъ, то почитаю также необходимымъ нѣчто небольшое сказать и объ этомъ, если цѣль наша требуетъ посредствомъ всякихъ разсужденій доставлять пользу читателямъ. Чадамъ Церкви, воспитаннымъ на священныхъ писаніяхъ, для избличенія эллинской лжи и полнаго освобожденія отъ возникающаго отсюда лжеученія, полагаю, будетъ достаточно сказаннаго въ видѣ обвиненія или мудраго порицанія Павломъ къ нѣкоторымъ, имѣвшимъ такое настроеніе: „дни наблюдаете и мѣсяцы и времена и годы; боюсь за васъ, не напрасно ли я трудился для васъ“ (Гал. 4, 10. 11). И въ самомъ дѣлѣ, говоря безъ всякой искусственности, вѣдь обьятый такимъ безуміемъ погубить свою душу и окажется безчестящимъ Самого Творца и Зиждителя всѣхъ насъ, Кому Одному только мудрое и основательное ученіе усвоетъ управленіе надъ нами. Они же, не разсудивъ правильно понять это, должны уничтожать зна-

ченіе Промысла и уже не вѣрятъ, что Владыка всяческихъ есть хранитель и распорядитель нашихъ дѣлъ, но должны усвоить власть надъ всѣми временами и часами, ставя тварь выше Творца и лишая одного изъ прекраснѣйшихъ свойствъ Того, Кому подобааетъ всякая честь и слава и поклоненіе, приписывая твари вышестварное и созданіямъ удѣляя то, чѣмъ подобааетъ вѣнчать Создателя. Но вина ихъ не останавливается на этомъ, но идетъ далѣе до гораздо худшаго сравнительно съ этимъ. Вѣдь они очевидно должны благолюбиваго Бога подвергать поношенію и врага всякаго грѣха называть совершителемъ зла. Въ самомъ дѣлѣ, если время сотворено Имъ, и часъ, и день, и годъ, а между тѣмъ эти послѣдніе приводятъ нѣкоторыхъ какъ бы по необходимости и насильственно къ невольному иногда худу и къ паденію возникающимъ отсюда бѣдамъ, то развѣ не ясною окажется истинность нашего разсужденія объ этомъ? И гдѣ же въ такомъ случаѣ окажется наконецъ сказанное премудрымъ Моисеемъ: „и видѣлъ Богъ все, что сотворилъ, и вотъ все прекрасно очень“ (Быт. 1, 31). Вѣдь однимъ изъ этого всего является и время, а во времени и часъ, день и годъ. Если же то, что око божественной природы видѣло хорошимъ, мы станемъ называть это виновникомъ худа, то не должны ли будемъ прямо признать, что Господь всяческихъ оказался Творцемъ постыднѣйшаго?

Думаю что и теперь уже должны устыдиться подверженные только что сказаннымъ нами заблужденіямъ. Но поелику нѣкоторые, кажется, не только хотятъ раздѣлять эллинскія суевѣрія, но даже и защищать ихъ, то это заставляетъ насъ разсмотрѣть и съ другой стороны присущую этому ученію нелѣпость и при помощи надлежащихъ умозаключеній постараться

противопоставить истину ихнему богохульству. Итакъ, если по вашему мнѣнію время и часъ насильственно и принудительно заставляютъ насъ направляться къ добру или злу, то излишенъ, какъ оказывается, будетъ для насъ разумъ, направляющій къ каждому дѣлу, совѣтующій удаляться отъ худаго и повелѣвающій напротивъ стремиться къ похвальному. Какая же, скажи мнѣ, будетъ уже польза отсюда и какой добрый плодъ получится отъ разума, если я окажусь конечно въ страдательномъ состояніи и пойду, даже и противъ своей воли, къ тому, къ чему позоветъ часъ и захочетъ принудить время? Должно послѣдовать то же, что, говорятъ, бываетъ съ кормчими кораблей, которые отчаяваются во всякой надеждѣ спасти судно, если имъ случится подвергнуться опасности во время бури,—пускаютъ всѣ канаты, бросаютъ даже и самые рули, уже нисколько не надѣясь на свое искусство, и такимъ образомъ отдаются движеніямъ волнъ и носятся по морю. Изъ сказаннаго уже видно, что никакой пользы не будетъ для желающихъ добродѣтели и никакого вреда не явится для дѣлателей худаго, если мы не будемъ имѣть ни награды ни наказанія отъ Бога за каждое дѣяніе и получать возмездіе соотвѣтственно качеству дѣлъ. Въ такомъ случаѣ, скажи мнѣ, часъ не опредѣлитъ ли нерѣдко прекраснѣйшее и время не принесетъ ли особенно полезное, хотя я и окажусь совершителемъ постыднѣйшаго? И наоборотъ, время не дастъ иногда ничего добраго, а напротивъ принесетъ, такъ сказать, все самое тяжелое тѣмъ, кои прекрасно разсудили, что слѣдуетъ предпочитать дѣланіе добра.

Но ничего подобнаго не можетъ быть, пожалуй скажетъ кто, но часъ и время даютъ каждому только подобающее ему.

Слѣдовательно время въ концѣ концовъ будетъ царить надъ нами? А достоинство Промысла мы должны будемъ усвоить часамъ, уже совсѣмъ не думая о Богѣ? Не станемъ ничего просить у Него посредствомъ молитвы, а у часа и времени? Что же слѣдуетъ отсюда? Станемъ поклоняться твари вмѣсто Творца и славу Создателя нечестиво присвоимъ созданному Имъ. Отсюда же мы безъ большаго труда можемъ усмотрѣть, что ихъ постыдство здѣсь и громадное нечестіе явно оказываются гораздо мерзостнѣе ихнихъ блудницъ, предающихся распутству.

Но ради пользы скажу и еще нѣчто, что приходитъ мнѣ на умъ. Излишне въ такомъ случаѣ, какъ кажется, божественные и человѣческіе законы опредѣляютъ любителямъ дурнаго подобающія имъ наказанія, а высоко цѣнящимъ желаніе жить благопристойнѣйшимъ образомъ назначаютъ почести. Вѣдь если совсѣмъ ничто не находится въ нашей волѣ, а подлежитъ необходимости, зависящей отъ часовъ и неизбежно и неотвратно ведущей къ тому и другому (доброму и худому), то развѣ справедливо будетъ съ нашей стороны признавать подобающими похвалы добрымъ людямъ, а не таковымъ, какъ бы въ качествѣ долга, воздавать противоположное (порицанія)? Зачѣмъ же, скажи мнѣ, и законы понуждаютъ насъ избѣгать худаго и стремиться къ хорошему, какъ скоро имѣются другія возжи нашихъ намѣреній, легко направляющія насъ, куда имъ угодно? Вѣдь человѣческія дѣла должны подлежать власти часовъ, какъ говорятъ они и желаютъ, нисколько не подумавъ о получающейся отсюда нелѣпости. И развѣ не должны они, даже противъ воли, утверждать, что получившій владычество надъ всѣмъ, что есть на землѣ, т. е. человѣкъ, окажется несчастнѣе даже самихъ беспо-

весныхъ животныхъ и будетъ проводить жалкую жизнь,—долженствующій имѣть преимущество по причинѣ природы своей получить мѣсто уже во второмъ, вѣрнѣе же въ послѣднемъ ряду? Въ самомъ дѣлѣ, если тѣ (животныя неразумныя) по собственнымъ своимъ влеченіямъ, безъ всякаго препятствія, направляются къ тому, что потребно имъ и можетъ быть полезнымъ, и избѣгать того, что оказывается вреднымъ, а мы будемъ находиться въ рабствѣ у суроваго властелина—времени и имѣемъ подобно скиптру висящую надъ нами неотвратимую и жестокую власть часовъ, то развѣ мы не оказываемся въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ въ какомъ находятся тѣ?

Но быть можетъ устыдится пожелавшій защищать или вѣрнѣе лгать на часы и времена, ни для чего такого не созданные и, отклоняя нелѣпость въ этомъ ученіи, скажетъ: мы не утверждаемъ, любезнѣйшій, того, что часъ или время или година властвуютъ надъ человѣческими дѣлами, но говоримъ, что есть часы и времена дурные, кои иногда, наподобіе бурныхъ вѣтровъ, наносятъ намъ бѣды.

Но таковымъ возразимъ мы: о поврежденные умомъ и упившіеся чистымъ безуміемъ! Какъ это вы опять не замѣтили, что вооружаете свой умъ противъ Самой Верховной Сущности? Развѣ не окажется Она совершительницею дурнаго, если есть что либо плохое изъ созданнаго Ею? Но это, какъ уже ранѣе сказано, мы минуемъ, а стараемся убѣдить васъ особенно въ томъ, какимъ это образомъ часъ или время могли бы причинять намъ вредъ, или напротивъ доставлять радость, если бы Богъ не управлялъ всѣмъ, какъ Онъ велитъ и желаетъ соотвѣтственно тому, что подобаешь каждому, или опечалить или напротивъ обрадовать? Вѣдь мы слышали только что

ваши слова, что ничто наше не находится во власти у часовъ, однакожь нѣкоторыя есть по природѣ дурныя (часы) и подобно вѣтру стремительно несутся на насъ. Но, думаю, нѣтъ опять ничего труднаго доказать, что и это ваше разсужденіе исполнено крайней глупости. Кому же въ самомъ дѣлѣ не очевидно, что промежутокъ въ двѣнадцать часовъ распредѣляется такъ, что одни (двѣнадцать часовъ) принадлежатъ дню, а другіе ночи, а ночь и день не бываютъ для кого либо одного, а для другаго не бываютъ, но приходятъ для всѣхъ? Точно такимъ же образомъ и дурное по природѣ не бываетъ дурно для одного, а для другаго нѣтъ, но ни для кого либо однаго, ни для кого либо другаго, а напротивъ для всѣхъ въ равной мѣрѣ принесетъ вредъ, въ какой бы промежутокъ дня или ночи ни пришло оно. Но какъ же тогда оказывается возможнымъ въ одинъ и тотъ же день или часъ видѣть одного человѣка пребывающимъ въ благополучіи и наслаждающимся многими радостями, такъ что устраиваетъ блестящіе пиры и съ великимъ стараніемъ собираетъ гостей, а другіе находятся въ совершенно противоположномъ состояніи и иной нерѣдко готовится мучительною смертію разстаться съ жизнью. На какомъ основаніи, скажи мнѣ, и какимъ образомъ допустима возможность въ одинъ часъ и одно время видѣть одного въ такомъ, другаго въ иномъ состояніи? Какъ назовешь такой часъ? Дурнымъ или хорошимъ? Я не могу отвѣчать, видя то и другое въ одно время, одного наслаждающимся, а другаго находя мертвымъ, издыхающимъ и несчастнымъ. Развѣ поэтому не невѣжественнымъ баснословіемъ и изобрѣтеніемъ бѣсовскаго безумія должно оказаться ученіе о часахъ? Думаю, что всѣ безъ колебаній согласятся съ этимъ и осудятъ думающихъ такъ.

Можно, какъ кажется, удовольствоваться и сказаннымъ. Но чтобы не оставить никакого предлога для пустословія и не дать возможности для какихъ либо предположеній, перейду къ изложенію событій и сейчасъ сдѣланное разсужденіе запечатлѣю тѣмъ, что несомнѣнно было. Такъ однажды Ассиріяне окруживъ святой городъ, тоестъ Іерусалимъ, намѣревались вести осаду. Вождь ихъ, это былъ Рапсакъ, то коварными рѣчами сначала пытался укротить духъ его воиновъ, то старался сдѣлать это угрозами. Блаженный Езекия, облеченный тогда царскимъ саномъ, надѣялся не на свои войска, но возлагалъ получение побѣды на Бога всяческихъ и въ прилежнѣйшей молитвѣ призывалъ отъ Него только помощь себѣ. И Богъ тотъ часъ внялъ праведнику и вслѣдъ за молитвою оказалъ Свою благодать. „Вышелъ Ангелъ Господень, какъ написано, и истребилъ изъ стана иноплеменниковъ сто восемьдесятъ пять тысячъ“ (Иса. 37, 36). Что скажешь на это, любезнѣйшій? Въ одну ночь, въ тотъ же самый часъ и время, Ассиріянинъ подвергается истребленію отъ руки Ангела, а множество Іерусалимлянъ спасается,—одни оказываются въ бѣдѣ, другіе—въ веселіи и радости. Гдѣ же сила часа? Какъ не одинаково распредѣляется онъ для тѣхъ и другихъ? Однимъ причиняетъ радость, другимъ плохую смерть? Вѣдь не рѣшишься же ты, хотя и не стѣсняешься въ болтовнѣ, называть его (часъ) двуприроднымъ и многовиднымъ.

Такое же значеніе для насъ можетъ имѣть и разсказъ о Даанѣ и Авиронѣ, кои, возставъ нѣкогда противъ начальства Моисея и безъ (божественнаго) призванія не побоявшись вторгнуться въ чинъ божественнаго священства, со всѣмъ домомъ своимъ низошли въ глубины земли (Числ. 16, 32. 33). Такимъ